ПО МЕСТУ БОЛИ
Снятое не исчезает
18+
НИКОЛАЙ ПОЛЯРНЫЙ

Николай Полярный

По месту боли

«Автор»
2026

Полярный Н.

По месту боли / Н. Полярный — «Автор», 2026

Павел Белозёров оценивает старину. Двадцать лет в деле: посмотреть на вещь, назвать цену, увезти туда, где за неё заплатят.Он приехал в пинежскую деревню оформить дом двоюродной бабки, которую видел дважды в жизни. Похороны прошли без него.В лесу за деревней стоят семь крестов, увешанных одеждой. Вышитые пелены начала девятнадцатого века, шали, рукавицы. Издали крест за деревьями можно принять за человека.Правила здесь простые.Вешай по месту боли: от головы — шапку, от рук — рукавицы. Вещь висит, пока не истлеет. Упавшее не поднимай. И главное: с креста не бери ничего.Павел берёт одну пелену — вещь музейного уровня, которая всё равно сгниёт здесь за двадцать летЧерез неделю у него начинает болеть правое плечо. Ровно то место, по которому эту пелену когда-то повесилиА к калитке приходят люди. Они девяносто лет ходили сюда лечиться и ещё не знают, что бабушка умерла. Каждый приносит вещь и ждёт, когда её возьмутОбетная традиция Пинежья, обычаи и запреты в книге подлинные.

© Полярный Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Наследство 5
Глава 2. Сундук 8
Глава 3. Клавдия Ивановна 11
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Николай Полярный
По месту боли

Глава 1. Наследство

Я приехал в Нижнюю Кевролу двенадцатого сентября, через девять дней после похорон, на которые не успел.

Не успел — слово неточное. Я не поехал.

Мне позвонили третьего, в четверг, в середине рабочего дня: женский голос из районной администрации сообщил, что Белозёрова Анна Степановна, тысяча девятьсот сорок второго года рождения, скончалась, что я указан в завещании и что хоронить будут в субботу.

В субботу у меня был показ коллекции в Петербурге, который я готовил четыре месяца.

Я сказал, что приехать не смогу, и попросил, чтобы похоронили по-людски, и перевёл деньги. Женщина сказала «хорошо» таким голосом, что я понял: она меня запомнила.

Анну Степановну я видел дважды в жизни.

Первый раз мне было шесть. Мы с матерью ездили к ней летом — я помню реку, помню, что меня кормили творогом со сметаной, и помню тёмную комнату, где пахло травой и чем-то кислым.

Второй раз — на похоронах матери, в две тысячи четырнадцатом. Она приехала одна, в чёрном платке, постояла в стороне, положила на гроб что-то завёрнутое в полотенце и уехала в тот же день.

Мы не разговаривали. Она была двоюродной сестрой моей бабки по матери, то есть мне никто.

И тем не менее дом она оставила мне.

Дорога заняла сутки.

До Архангельска самолётом, оттуда поездом до Карпогор, оттуда сто двадцать километров на машине, из них сорок по грунтовке, а последние восемь — по тому, что грунтовкой называется из вежливости.

Вёз меня мужик по имени Коля Зуй на «буханке» цвета хаки.

Он взял с меня три тысячи, всю дорогу говорил и за два часа рассказал про район больше, чем я узнал бы за неделю.

— Ты, значит, Анны Степановны родня?

— Внучатый племянник.

— А-а, — сказал Коля и помолчал ровно столько, чтобы я заметил. — Ну.

— Что?

— Ничего, — сказал он. — Хорошая была бабка. Строгая.

Про профессию я сказал ему честно: оценщик, работаю с антиквариатом, специализация — народный текстиль и предметы культа.

Это произвело на него впечатление.

— Это что, тряпки, что ли?

— Тряпки, — согласился я. — Вышивка, ткачество, набойка. Сарафаны, полотенца, пелены. Девятнадцатый век, иногда восемнадцатый.

— И чего, дорого?

— Бывает дорого.

— Это сколько?

Я назвал цифру за хорошее браное полотенце начала девятнадцатого века, и Коля присвистнул и чуть не въехал в яму.

— Да ладно.

— Это за хорошее, — сказал я. — С сохраном, с провенансом. Обычные идут по трипять тысяч.

— У нас тут этого добра, — сказал Коля.

И замолчал — на этот раз надолго, километра на четыре.

Я эту паузу тогда не разобрал. Я решил, что он прикидывает, нет ли у него в сарае бабкиного сундука.

Нижняя Кеврола оказалась живой.

Это важно, потому что я ехал и готовился к заброшенной деревне с тремя старухами: насмотрелся таких за десять лет, и они все одинаковые — провалившиеся крыши, бурьян, тишина.

Здесь было иначе.

Домов сорок, из них жилых, я потом посчитал, двадцать два. Электричество. Два фонаря. Дорога, по которой ездят. Магазин — вагончик с вывеской «Продукты», открыт вторник и пятница. Антенны-тарелки на половине крыш. Собаки.

Люди.

Я вылез из «буханки» у церкви — вернее, у того, что от неё осталось: сруб без главы, с заколоченными окнами, — и на меня посмотрели человек шесть.

Не враждебно. Внимательно.

Так смотрят в приёмной, когда входит тот, кого все ждали.

Дом Анны Степановны стоял на краю, у спуска к реке.

Пятистенок, крепкий, под шифером, с резными наличниками, которые я оценил автоматически, в три секунды: вторая половина девятнадцатого века, подновляли в шестидесятых, состояние хорошее.

Ключ лежал под крыльцом, где и сказали.

Я открыл и вошёл.

Теперь я должен объяснить, как я устроен, иначе непонятно всё остальное.

Я вхожу в чужой дом и делаю опись.

Это не корысть и даже не работа — это способ смотреть. Двадцать лет назад я начинал в ломбарде, и меня там научили одному: заходя в помещение, сразу разбей его на предметы. Что это, сколько ему лет, сколько он стоит, кому его можно продать.

Я так смотрю на всё, включая чужое горе.

На похоронах матери я заметил, что у гробовщика на правой руке часы «Полёт» шестьдесят восьмого года, и прикинул цену, и мне стало противно, и я ничего не смог с собой сделать.

Вот и в тот день я вошёл в дом женщины, которую хоронили без меня девять дней назад, и первое, что я сделал, — начал описывать.

Опись имущества по адресу: Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Нижняя Кеврола, д. 11. Составлена П. А. Белозёровым 12.09.

Помещение 1 (сени). Ларь дощатый, кон. XIX в., сохран удовлетворительный. Коромысло. Два ведра оцинкованных, сов. Корзина берестяная, плетение косое, сер. XX в.

Помещение 2 (изба). Печь русская, перекладывалась. Стол, лавки, шкаф-буфет сов. 1950-е. Кровать с панцирной сеткой. Полка иконная, угловая: две иконы (см. отдельно). Часы-ходики. Радио «Селена».

Иконы. 1) Никола, поясной, XIX в., северные письма, оклад утрачен, сохран средний, запись поздняя. 2) Богоматерь Казанская, XX в., печатная на жести, ценности не представляет.

Помещение 3 (горница, нежилая). Пусто. По стенам — гвозди, 40–50 шт., на разной высоте. Назначение неясно.

Вот эта последняя строчка.

Я её написал и пошёл дальше, и вернулся к ней только через две недели.

Горница была пустая и чистая.

Половицы вымыты, окно занавешено, пахло сухой травой. Ни мебели, ни вещей. Только гвозди по стенам — обычные, кованые и фабричные вперемешку, вбитые на разной высоте, от пола до потолка, по всем четырём стенам.

Я насчитал сорок три.

На некоторых висели обрывки — нитки, лоскуты, какая-то тесьма. На одном — целиком платок, ситцевый, выцветший, завязанный узлом.

Я решил, что это сушильня. Мало ли, бабка сушила травы, и это объяснение меня устроило на две недели.

Я переночевал.

Электричество работало, вода в колодце, печь я топить не умею, но было плюс одиннадцать, и мне хватило обогревателя, который нашёлся в сенях.

Спал плохо.

Не от страха — от тишины. Я городской человек, я двадцать лет засыпаю под шум, и в абсолютной тишине у меня в голове начинает шуметь само.

Около двух я встал попить и выглянул в окно.

У калитки стоял человек.

Мужчина, лет шестидесяти, в куртке, с непокрытой головой. Он стоял с той стороны изгороди, не заходя во двор, и смотрел на дом.

В руках он держал узелок — что-то завёрнутое в светлую ткань, размером с небольшую дыню.

Я смотрел на него, наверное, минуту.

Потом открыл окно и крикнул:

— Вам чего?

Он не вздрогнул.

Он посмотрел на меня — на свет, в окне, — и спросил:

— Ты теперь?

— Что?

— Ты теперь, — повторил он. Не вопросительно даже, а как уточняют очевидное.

— Я тут временно, — сказал я. — Я наследник. По документам. Вы кто?

Он помолчал.

Потом положил свой узелок на столб изгороди — аккуратно, в развилку между жердями, — и пошёл прочь.

— Эй! — крикнул я. — Заберите!

Он не обернулся.

Я вышел утром, когда рассвело.

Узелок лежал там же, на столбе. Светлая ткань оказалась вафельным полотенцем, новым, фабричным, из тех, что продают в хозяйственном.

Внутри была детская вязаная шапка.

Шерсть, машинная вязка, размер года на три, розовая с белым узором. Ношеная, но чистая, аккуратно сложенная.

Я стоял с этой шапкой в руках посреди двора в семь утра и думал единственное, что мог подумать.

Что в деревне, где двадцать два жилых дома, кто-то ночью принёс к моей калитке детскую шапку и ушёл, не объяснив.

Глава 2. Сундук

Шапку я положил на крыльцо и три дня не трогал.

У меня было дело: оформление. Это оказалось муторнее, чем я думал. Свидетельство о смерти, справка из сельсовета, выписка из ЕГРН, нотариус в Карпогорах по средам, шесть месяцев срока вступления.

Я рассчитывал на неделю. Выходило — до весны.

И при этом надо было что-то делать с домом: он стоял, в нём было бабкино имущество, зима на носу, а я находился в тысяче двухстах километрах от своей квартиры.

Я остался на месяц. Так я себе тогда сказал.

Сундук я нашёл на четвёртый день.

Он стоял на подволоке — так тут называют чердак, — под старыми половиками, в углу, у печной трубы, где теплее.

Дорожный сундук, обитый жестью по углам, с коваными петлями. Первая треть девятнадцатого века, фабрика невельская или макарьевская, определять надо по клейму. Сохран очень хороший.

Он был не заперт.

Я открыл его и минут пять молча смотрел.

Опись (продолжение). Подволока, сундук 1.

Привожу так, как записал, потому что иначе придётся пересказывать, а пересказ будет хуже.

1. Полотенце браное, лён, двусторонний узор, геометрия с ромбами, кон. XVIII — нач. XIX в. Длина 218 см. Сохран отличный. **Музейный уровень.**

2. Пелена с нашивным крестом из кумача, лён домотканый, перв. пол. XIX в. Сохран хороший, кумач выгорел.

3–7. Полотенца льняные с красноузорным ткачеством, XIX в., разной сохранности, 5 шт.

8. Сарафан косоклинный, пестрядь, сер. XIX в., подол подрезан.

9. Рукавицы вязаные шерстяные, 11 пар, XX в., разная степень износа.

10. Чулки шерстяные, 9 пар, XX в.

11. Платки ситцевые и полушерстяные, 23 шт., XIX–XX вв.

12. Шапки, шали, подшальники — 17 ед., XX в.

13. Детские вещи: шапки — 6, носки — 8 пар, варежки — 5 пар, распашонка ситцевая — 1.

14. Рубаха мужская, холст, вышивка по вороту и оплечью, кон. XIX в. Сохран средний, разрыв на правом плече 12 см.

Всего в сундуке я насчитал сто шестьдесят одну единицу.

Теперь объясню, почему я сел на пол и закурил, хотя бросил четыре года назад.

Первые восемь позиций — это коллекция.

Я таких сундуков видел за двадцать лет штуки четыре. Один — в Каргополье, в две тысячи девятнадцатом, и за него аукционный дом взял столько, что мне хватило на первый взнос по ипотеке.

Полотенце номер один я датировал сходу и могу повторить под присягой: конец восемнадцатого века, северное браное ткачество, полный узор, без утрат. Таких в частных руках в России единицы.

А дальше — позиции с девятой по тринадцатую.

Рукавицы. Чулки. Платки. Детские шапки.

Вещи двадцатого века, фабричные и самовязаные, ношеные, никакой ценности не представляющие. Выстиранные, аккуратно сложенные и уложенные в один сундук с вещами, которым двести лет.

Это не коллекция.

Коллекционер так не собирает: он не кладёт полотенце за четыреста тысяч на детские носки из сельпо.

Так собирает человек, для которого все эти вещи — одно и то же.

Вторая странность была в бирках.

К каждой вещи — вообще к каждой, включая носки, — была пришита бумажка. Маленькая, картонная, с продетой ниткой, как в гардеробе.

На бирках стояли надписи, сделанные химическим карандашом.

М. Фёдорова, голова, 54.

Зуева, спина, 61.

Малышева, дитё, грудь, 72.

Корытов, нога левая, 83.

Я перебрал сто шестьдесят одну бирку.

На каждой — фамилия, место и двузначное число. Числа шли от сорока шести до ноля девятого. Самая поздняя, которую я нашёл в тот день, — *Пестова, рука, 09.*

Я разложил их по числам на полу, рядами, и сидел и смотрел.

Шестьдесят с лишним лет. Фамилии повторяются: Фёдоровых — девять, Зуевых — четырнадцать, Корытовых — шесть.

И «место» — голова, спина, рука, нога, грудь, горло, бок, колено, поясница.

Как будто кто-то вёл картотеку.

Я, конечно, понял быстро. Я не идиот и за двадцать лет насмотрелся обетных вещей — их приносят в музеи, они проходят по коллекциям, про них пишут.

Обетная традиция. Вещь приносят по болезни и оставляют в святом месте. На Севере — на обетных крестах, в часовнях, у поклонных камней.

Я знал это как термин.

Чего я не знал — что на бирке пишут, где болело.

Я сидел на чердаке и думал профессионально: это не просто сундук, это документированный комплекс. С атрибуцией. С датировкой по каждой единице. Шестьдесят лет одной практики в одном месте, записанной рукой одного человека.

Такого не бывает.

За это берут не аукционные дома — за это берутся музеи, пишут статьи, делают выставки. Это материал, после которого фамилия остаётся в литературе.

Я сидел на полу и считал — честно, без романтики, в деньгах и в репутации.

И тогда я нашёл последнюю бирку.

Она была на рубахе — позиция четырнадцать, холст, конец девятнадцатого века, разрыв на правом плече.

Бирка на ней была новая.

Не пожелтевшая, не истёртая, а свежая: белый картон, не выцветший, нитка не потемнела. И написано не химическим карандашом, а обычной шариковой ручкой.

Почерк тот же — я сличил, сомнений нет, та же рука, только дрожащая.

Там было написано:

Белозёров, плечо правое, 36.

Тридцать шестой — это был текущий год.

Моя фамилия — Белозёров.

Я стоял на чердаке с этой биркой в руке, и у меня в голове работало ровно то, что работает у любого нормального человека.

Белозёровых в районе может быть много. Фамилия для Пинежья обычная, местная. Это может быть кто угодно: однофамилец, дальняя родня, сосед.

Это записано в тридцать шестом, то есть в этом году — значит, бабка вела картотеку до последнего, до февраля или марта, пока могла писать.

И плечо правое у кого-то болело.

Всё объясняется.

Я положил бирку на место, спустился с подволоки и пошёл к соседке, потому что у меня появился первый вопрос, который нельзя было задать гуглу.

У меня, кстати, не болело ничего.

Я пишу это отдельно, чтобы потом никто не сказал, что я подгоняю.

Двенадцатого сентября, в день приезда, я был здоров, как бывает здоров тридцативосьмилетний мужик, который следит за собой. Спина в норме, плечи в норме.

Плечо начало болеть двадцать второго, через десять дней.

А рубаху с биркой я нашёл шестнадцатого.

Глава 3. Клавдия Ивановна

Соседка жила через дом.

Клавдия Ивановна Зуева, восемьдесят один год, в очках с толстыми стёклами, в тёплой кофте в сентябре, с огородом, который она ещё копала сама.

Она открыла дверь и сказала:

— Долго ты шёл.

Я к тому времени третий раз за неделю слышал эту интонацию и начинал привыкать.

— Клавдия Ивановна, я…

— Заходи, чего на пороге.

Она усадила меня, налила чаю, поставила варенье.

И стала ждать.

Я спросил напрямую — я вообще человек прямой, у меня работа такая:

— Клавдия Ивановна, кем работала Анна Степановна?

Старуха посмотрела на меня поверх очков.

— Как это кем.

— Ну, по специальности. Она фельдшером была? Или травницей?

— Ты чего, — сказала Клавдия Ивановна. — Она бабушка была.

— В смысле бабушка? Чья?

— Наша, — сказала она таким тоном, будто я спросил, чья тут река.

Дальше был разговор, который я записал в тот же вечер по памяти, и записал, как умею, то есть дословно.

Привожу с сокращениями, оставив существенное.

— Клавдия Ивановна, объясните мне по порядку. Я городской, я не понимаю.

— А чего понимать. Заболит у тебя — ты куда идёшь?

— В поликлинику.

— Вот. А у нас до больницы сто двадцать вёрст, и то фельдшер приезжает по вторникам, и то если дорога. А болит сегодня.

— И что делали?

— Шли к бабушке, — сказала Клавдия Ивановна.

— И она лечила?

— Она брала, — сказала старуха.

Я переспросил три раза, потому что мне казалось, что я недослышал.

— Что значит «брала»?

— То и значит. — Она отставила чашку. — Ты вот слушай и не перебивай, один раз расскажу, второй не буду.

Заболело у тебя. Ты идёшь к бабушке и несёшь вещь. Не какую попало — по месту боли. Голова болит — несёшь шапку, платок. Рука — рукавицу. Нога — чулок. Спина — рубаху. Грудь у бабы болит — кофту.

— А если внутри болит? Живот, сердце?

— Пояс несёшь, — сказала Клавдия Ивановна. — Или рубаху. Главное, чтоб носил сам и чтоб по месту.

— Дальше?

— Дальше она берёт и говорит: оставь. И всё.

— И что, помогало?

Старуха посмотрела на меня.

— Я с сорок девятого года хожу, — сказала она. — Мне восемьдесят один. Ты как думаешь?

— Хорошо, — сказал я. — А вещь? Куда она девалась?

— Она её к себе брала.

— Себе оставляла?

— Не себе, — поправила Клавдия Ивановна. — К себе. Она на гвоздь вешала, в горнице. Вещь у неё висит, а ты идёшь здоровый.

Я вспомнил сорок три гвоздя на четырёх стенах.

— А потом?

— А потом она её относила.

— Куда?

Старуха помолчала.

— К крестам, — сказала она.

Я достал блокнот.

Я действительно достал блокнот — такой же, в каком веду описи, — и начал записывать, и Клавдия Ивановна посмотрела на это с одобрением.

— Пиши, пиши. Хоть один записал.

— Расскажите про кресты.

— За деревней, в бору, — сказала она. — По старой дороге, которая на Суру шла, пока новую не сделали. Там семь штук стоит.

— Семь крестов?

— Семь.

— Они все рядом?

— По дороге, — сказала Клавдия Ивановна. — Первый сразу за полем, а дальше в лес, друг за другом. Последний далеко, версты четыре.

— А почему семь?

— А по беде, — сказала старуха. — Малая беда — идёшь к трём. Большая — к семи. До последнего. Дальше уже некуда.

Правила она мне перечислила сама, без просьбы, и очень подробно, и злилась, когда я переспрашивал.

Я записал двенадцать.

1. Об обете не говорят. Кто сказал — того и нет.

2. Вешать по месту боли.

3. С креста не брать ничего. Совсем ничего.

4. Что повешено — висит, пока не истлеет.

5. Что истлело и упало — закопать тут же, у подножия. Не уносить.

6. Что пообещал — сделай.

7. Идти молча, назад возвращаться другой дорогой.

8. Воды у креста не пить. Умыться можно, набрать можно, пить дома.

9. По малому — три, по большому — семь. Меньше не ходи.

10. Чужого не трогай.

11. Ночью не ходи.

12. Что упало — не поднимай.

Я записал и перечитал.

— Клавдия Ивановна, а третье и двенадцатое — это же одно и то же?

Она посмотрела на меня с той усталостью, с какой учитель смотрит на ученика, задавшего хороший вопрос не вовремя.

— Нет, — сказала она. — Третье — это брать нельзя, когда висит. А двенадцатое — когда уже упало. Это разное.

— В чём разница?

— Когда висит — оно ещё чьё-то, — сказала Клавдия Ивановна. — А когда упало — оно уже ничьё. Ничьё хуже.

Я спросил про гвозди.

— Сорок три штуки. На всех стенах.

— Ну да, — сказала она. — Она ж не каждый день к крестам ходила. Соберётся — тогда и несёт. Зимой раз в месяц, летом чаще.

— И вещи висели в доме?

— А где им висеть.

— Клавдия Ивановна. — Я подбирал слова. — Получается, у неё дома постоянно висели чужие болезни?

Старуха кивнула, будто я наконец сказал что-то разумное.

— Вот, — сказала она. — Потому к ней в горницу и не ходили.

Последний вопрос я задал уже в дверях, и он был самый простой.

— Клавдия Ивановна. А как она умерла?

Старуха стояла, держась за косяк.

— Тяжело, — сказала она.

— Болела?

— Не болела. — Она покачала головой. — Она, Паша, четыре месяца отходила. С мая. Лежала и не могла.

— Что не могла?

— Уйти не могла, — сказала Клавдия Ивановна.

Она посмотрела мне в лицо.

— Знающий не уйдёт, пока не передаст, — сказала она. — А ей некому было. Она Нюрку Пестову учила, так Нюрка в город уехала в девятом году и не вернулась. Больше никого.

— И что?

— И лежала, — сказала старуха. — Четыре месяца. Мы с Тасей ходили, обихаживали. Она под конец уже не говорила, только смотрела. А в августе конёк с крыши сняли, и к вечеру отошла.

Я стоял на крыльце.

— Зачем конёк сняли?

— Чтоб вышла, — сказала Клавдия Ивановна. — Она ж не могла. Ну, отец Василий не велел, а мы сняли. Грех, да что делать.

Она начала закрывать дверь и остановилась.

— Ты бирку-то видел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.